

УДК 394.2
DOI 10.17223/18137083/66/2

П. С. Шахов

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Мордовский календарно-обрядовый
фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования
(осенне-зимний период) ***

Рассматривается осенне-зимний период мордовского календарно-обрядового фольклорно-этнографического комплекса сибирского бытования с точки зрения этнической терминологии и различных обрядовых кодовых систем (временной, пространственной, персональной, акциональной, атрибутивной и вербально-музыкальной). Приводится классификация форм мордовских колядных песен, зафиксированных в Сибири (колядные песни с ритмически выделенным возгласом-рефреном «Каляда!» / «Каляда, каляда!», повторяющимся после каждого стиха, – зафиксированы от мордвы-эрзи; колядные песни с возгласом-зачином «Ай, каляда, каляда!» или «Тауси-тауси!»/«Уси-тауси» без рефрена – зафиксированы от мордвы-мокши), а также выделяются ключевые поэтические мотивы, сопряженные с предметно-акциональной сферой обряда колядования (мотив требования подарка; мотивы благопожелания плодородия и чадородия; мотив отрицательного пожелания; мотив угрозы). Предметно-акциональный и вербально-поэтический ряд некоторых календарных праздников, отмечаемых сибирской мордвой, обнаруживает архаические черты календарно-обрядового комплекса, которые можно назвать константными элементами традиционной культуры в связи с наличием определенной степени общности автохтонной и переселенческой мордовской традиций.

Ключевые слова: мордва Сибири, народный календарь, полевые исследования, этническая терминология, кодовая система, фольклорно-этнографический комплекс.

В статье производится комплексное описание осенне-зимнего периода мордовского календарно-обрядового фольклорно-этнографического комплекса сибир-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-312-00167 «Культурные константы коренных и переселенческих традиций: исследование мордовских фольклорно-этнографических систем автохтонного и сибирского бытования».

Шахов Павел Сергеевич – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; pashahoff@mail.ru)

ского бытования в части этнической терминологии и различных обрядовых кодовых систем с широким привлечением сибирских устных источников 2000-х гг., представленных в виде прямой речи информантов с сохранением особенностей произношения¹.

Сопоставление и сравнение различных элементов осенне-зимнего календарного комплекса в локальных сибирско-мордовских традициях производится на основе разновременных источников, которые можно разделить на две группы:

1) материалы, записанные в 1975–1986 гг. фольклористами Мордовской АССР²;

2) современные материалы 2000-х гг., собранные новосибирскими учеными при участии автора³.

Ранее подобным образом был рассмотрен весенне-летний период мордовского календарно-обрядового фольклорно-этнографического комплекса сибирского бытования [Шахов, 2017, с. 261], включающий следующие праздники: Масленица, Прощеное воскресенье, период Великого поста, День памяти Севастийских мучеников, Вербное воскресенье, Пасха, Вознесение и Троица.

Структура народного календаря в целом во многом следует порядку православных праздников. Но, как известно, народный календарь, в том числе мордовский, представляет собой симбиоз православно-христианского и дохристианского земледельческого календарей. Так, осенний период мордовского календарно-обрядового комплекса Сибири открывается, казалось бы, церковным праздником Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября), но наполняющее его предметно-акциональное содержание, как и во многих других церковных праздниках, имеет народные архаические черты. Группа пожилых женщин (Пав.), одна женщина

¹ Особенности произношения прямой речи информантов отражены в тексте, в том числе с помощью знаков, предложенных Г. Л. Венедиктовым [1985]: = – знак задержки речи, неграмматической паузы; ... – знак обрыва предложения или слова; z – знак словесной поправки, интонация перебора; <текст> – знак, означающий ускоренное проговаривание; /// – знак, означающий смех рассказчика. Знак многоточия в угловых скобках <...> указывает на пропуск транскрибирования прямой речи информанта. Этнические термины, представленные в статье, выделены курсивом.

Принятые в данной статье географические сокращения касаются обследованных с 2007 по 2011 г. населенных пунктов следующих районов:

Алтайский край: Борисово (Бор.), Никольск (Ник.), Малый Калтай (М. К.), Пещерка (Пещ.) Залесовского района (2008, 2011);

Кемеровская область: Николаевка (Н.) Чебулинского района (2007), Новорождественка (Нов.), Индустрия (Инд.) Прокопьевского района (2007, 2008), Кочкуровка (Коч.), Сосновка (Сос.) Гурьевского района (2011), Павловка (Пав.), Родниковский (Род.), Чусовитино (Чус.) Ленинск-Кузнецкого района (2011);

Красноярский край: Большая Ничка (Б. Н.), Жерлык (Жер.), Верхняя Коя (В. К.) Минусинского района, Нижний Кужебар (Н. Куж.), Алексеевка (Ал.), Верхний Кужебар (В. Куж.) Каратузского района (2009).

² *Таракина Э. Н.* Фольклорный материал, собранный летом 1975 года в селах Залесовского района Алтайского края: Рукопись // Арх. НИИ ГН Республики Мордовия. Ед. хр. Л-517. 65 л.; *Русяйкин В. Б.* Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. Ч. 1: Рукопись // Арх. НИИ ГН Республики Мордовия. Ед. хр. Л-837. 152 л.

³ Мордовские коллекции музыкально-этнографических экспедиций 2007–2009, 2011 гг. в села Алтайского края, Кемеровской области и Красноярского края // Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. Ед. хр. А0234 (рук. Н. В. Леонова), А0235 (рук. Н. В. Леонова), А0236 (рук. Н. В. Леонова, П. С. Шахов), А0243 (рук. Н. В. Леонова), А0250 (рук. П. С. Шахов), А0251 (рук. П. С. Шахов), А0252 (рук. П. С. Шахов). Экспедиционные маршруты современных полевых исследований во многом повторяли путь собирателей 1970–1980 гг., что позволяет проследить динамику фольклорных традиций.

(Чус.⁴, Пав.) или компания из 5-6 человек 20–40 лет (Род.⁵) наряжались в шубы (Пав., Чус., Род.), которые иногда выворачивали, брали веник (Пав.), надевали шапки (Пав., Чус.), маски из бересты (Род.) и ходили днем по домам «пугать», «ленивых будить» (*нузяксны тандафтнемат* – Пав.), «тараканов выгонять» (Чус.). При этом говорили «какие-то стишки» (Пав.), пели (Чус.), приплясывали и хлопали «махнашками».

Предметно-акциональный ряд праздника Покрова, зафиксированный от мордвы-эрзи Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, относит исследуемую локальную традицию к архаическому типу традиционной народной культуры, для которой характерна высокая степень символизации окружающего мира и ритуализация повседневной жизни [Виноградова, Толстая, 1993, с. 6]. В частности, это проявляется в наличии культурных (символических) значений утилитарных вещей. Веник, как известно, является одним из наиболее семантически нагруженных предметов домашнего обихода и связан как с утилитарной, так и с множественным обрядовых функций (отгонной, очистительной, защитной, лечебной, «благодетельной») [Там же, с. 32]. В описываемом эрзя-мордовском ритуале отгонная обрядовая функция веника представлена акциональным рядом («тараканов выгонять», «ленивых будить») и сопряжена с предметно-действенным кодом потустороннего мира (вывернутые шубы, маски из бересты, действие «пугать»).

В ноябре отмечен только канун Рождественского поста (27 ноября), на который обязательно готовили пельмени (Нов.).

На мордовской автохтонной территории песни зимнего периода мордовского земледельческого календаря начинаются циклом исполняющихся при обрядовом обходе дворов величально-поздравительных песен, к которым относятся песни-колядки и песни-*таунсенъ*. Обрядовые функции, тематика, композиция этих песен совпадают, различия сводятся лишь к рефренным или зачинным словам – *каляда* или *таунся* (*таунсяй*) [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 11–18]. Поэтому все зимние величально-поздравительные песни [Памятники..., 1988, с. 17] или песни-благопожелания [Бояркина, 2011, с. 120] в исследовательской литературе по мордовскому фольклору обозначаются единым жанровым определением *калядань морот* (в эрзянской традиции) [Памятники..., 1988], *калядат* (в мокшанской) [Памятники..., 1981], *калядамо морот* (мокш., эрз.) [Устно-поэтическое творчество..., 1981; Бояркина, 2011].

К зимним песням примыкают приуроченные к тому же времени обрядовые песни Рождественского дома (*Роштува кудонь морот*), подразделяющиеся на долгие (*Роштува кудонь кувака морот*) и игровые корильно-шуточные (*Роштувань налкхсема морот*) Рождественские песни, которые пелись на протяжении двух недель во время Святков с 24 декабря по 7 января⁶ в каждую ночь, чередуясь с ритуальными плясками [Бояркин, Бояркина, 2004, с. 724; Бояркин, 1983, с. 28; Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 11].

⁴ Описание дается по воспоминаниям мордвы-эрзи с. Ясная поляна. В конце 1970-х гг., когда село перестало существовать, жители переехали в более крупное соседнее с. Чусовитино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

⁵ До 1980-х гг. большая группа мордвы-эрзи жила в с. Покровка Алтайского края, где Покров был престольным праздником и совершались описанные выше обрядовые действия. В пос. Родниковском, куда переехала покровская мордва-эрзя, Покров уже таким образом не отмечали, просто стряпали пироги с ягодой. Покров также был престольным праздником в мокшанском с. Демьяновка, жители которого проживают ныне в с. Сосновка.

⁶ В связи с тем, что земледельческий календарь мордвы смешался с христианским (церковным) календарем, в фольклористической литературе принято указывать даты зимних праздников по старому стилю [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 9]. Даты праздников у сибирской мордвы, зафиксированные в полевых материалах 2000-х гг., соответствуют новому стилю.

В сибирских мордовских селах колядные песни (песни-колядки и песни-тавунсень) исполнялись в разное время зимних праздников: на сочельник 6 января с утра, а также под Старый Новый год – от Рождества до 14 января (Нов.), на Рождество вечером (Н.), на Новый год и на Рождество (*Рóштова*), а также вечерами до Крещения (Бор.) у мордвы-эрзи; перед Рождеством 6 января вечером (М. К.), на Новый год (Жер.), на Рождество (В. К.), на Рождество и на Старый Новый год (В. Куж.) у мордвы-мокши.

Песни-тавунсень записаны только в Красноярском крае от мордвы-мокши (Жер., В. Куж.). Как в Жерлыке, так и в Верхнем Кужебаре, несмотря на то, что зачинное слово в этих песнях *таўси-таўси* (В. Куж.), *ўси-таўси* (Жер.), исполнительницы называют их колядками: «как калядуют как эти = просят вроде бы падарки» (Жер.); «*Таўси-таўси* – эта каляда» (В. Куж.)⁷.

Как пишут исследователи мордовского музыкального фольклора, на автохтонной территории существовали три возрастные группы колядующих, которые колядовали в разное время суток. Группа стариков-пастухов начинала обход дворов ранним утром, после шли группы детей, а незамужние девушки и холостые парни колядовали под вечер [Бояркин, 1983, с. 28; Бояркин, Бояркина, 2004, с. 724].

В сибирских мордовских традициях зафиксирован разнообразный персональный ряд, который имеет различия чуть ли не в каждом селе: колядовали дети с утра (Нов.), взрослые вечером (Н.), разные группы взрослых и детей по вечерам⁸ (Бор.). Раньше в с. В. Коя утром шли колядовать пастухи⁹, но информанты помнят только колядку, которую исполняли как дети (по 4-5 человек), так и взрослые. Группа детей (от 2 до 5 человек) колядовали на улице за окном, исполняя «*Ўси-таўси*», а в дом заходили только взрослые и поздравляли уже по-русски «Сею-вею» (Жер.). Дети пели колядку «*Таўси-таўси*» в сенях дома у дверей (В. Куж.).

Мордовские колядные песни Сибири зафиксированы в трех формах.

Колядные песни с ритмически выделенным возгласом-рефреном «Каляда!», повторяющимся после каждого стиха. Для такой формы характерны два подвида, связанных с рефренным словом «каляда», которое может повторяться два или один раз в строфе. Колядные песни этой формы записаны в Сибири от мордвы-эрзи.

Двойное повторение рефренного слова зафиксировано в с. Новорождественка Кемеровской области¹⁰.

Кáляда, кáляда!
Тўпором¹¹, тапором,
Кáляда, кáляда!
Уряж давай сюкором,
Кáляда, кáляда!

Коляда, коляда!
Тупором, тапором,
Коляда, коляда!
Сноха, дай лепёшку,
Коляда, коляда!

⁷ В селе В. Коя этого же района зафиксирован гибридный вариант, объединяющий песни-колядки и песни-тавунсень: поэтический текст представляет собой вариант песни-тавунсень села В. Кужебар, но с зачином «каляда, каляда».

⁸ Зорькина А. Г. (Бор.): «Есть группами хадили, есть па двое сабируца, троя, есть даже адйн – адйн нарядица и пашёл».

⁹ Вашлаева Т. Д., Вирясова Г. П. (В. К.): «Галя, а вот пастухи в Ражэствó какую песню пели, а? Я, знаешь, помню казык эдат пел “Гулял па Уралу” /// ///. Он не умёл эта петь (нужную песню. – П. Ш.) <...> как эта, ни каляда, теперь ужэ все забыли».

¹⁰ «А вот на Ражэствó = на Ражэство у нас такое – у меня была песня = /// мардóуская» <...>. «Де-ети пели. Вот, например, я с работы иду, эта ужэ <...> к дверям паджажу ужэ начинаю: “Каляда-а идёт!” /// <...>. «От, придёшь = например, придёшь – просишь кáляду – эта чё-нибудь гастинцу. Если гастинцуз... вот и начинаешь» (Е. Л. Сарайкина, Нов., зап. 2007).

¹¹ Имеется вариант произношения слова *тўпором* – *цупором*.

Если а максак суюкором,
 Каляда, каляда!
 Тазов пря цёра чачс,
 Каляда, каляда!
 Лавце ланга чинезе,
 Каляда, каляда!
 Пóза парць вáязо¹²,
 Каляда, каляда!
 Если максак суюкором,
 з...Мазый¹³ пря цёра чачс –
 [далее произносится говором]
 Прéвей улизо,
 вáдря улизо,
 ўмнай улизо¹⁴

(Нов., зап. 2007 г. от Е. Л. Сарайкиной,
 1930 г. р.)¹⁵.

Если не дашь лепёшку,
 Коляда, коляда!
 С болячкой на голове парня роди,
 Коляда, коляда!
 Чтобы по лавкам бегал,
 Коляда, коляда!
 В квасной кадке утонул.
 Коляда, коляда!
 Если дашь мне лепешку,
 С красивой головой парня роди –

Чтобы умный был,
 хороший был,
 умный был.

В колядке, записанной в 1986 г. В. Б. Русяйкиным в с. Борисово Алтайского края, рефрен «каляда» повторяется один раз (текст и перевод приводится в соответствии с архивными материалами¹⁶):

Каляда!
 Бабай, дай суюкуру, да.
 Каляда!
 Чачи суюру чачиза, да.
 Каляда!
 Мастырынзе лазыза.
 Каляда!
 Ажияшка олгозо, да.
 Каляда!
 Черекышка колозо.
 Каляда!
 Ашы алшка зёрназы, да.
 Каляда!
 Бабай, давай суюкуру, да.
 Каляда!
 Буди максат суюкуру, да –
 Аши пря цёра чачт.
 Каляда!
 Будь а максат суюкуру –

Коляда!
 Бабушка, дай лепешку, да.
 Коляда!
 Рождающийся хлеб пусть родится, да.
 Коляда!
 Землю собой пусть расколет.
 Коляда!
 С оглоблю его стебель, да.
 Коляда!
 С дугу – колос.
 Коляда!
 С белое яйцо – зерно, да.
 Коляда!
 Бабушка, дай лепешку, да.
 Коляда!
 Если дашь лепешку, да –
 Белокурого мальчика роди.
 Коляда!
 Если не дашь лепешку –

¹² Вариант строки другой исполнительницы из этой деревни Е. Е. Мичкаевой, зап. 2008 г.: «Дрóба парьц вáязо» («В дрожжевой кадке с гушей утонул»).

¹³ В записанном годом позже варианте этой колядки, исполнительница заменила прилагательное слово «мазый» (красивый) на слово «ашо» (белый) (Сарайкина Е. Л., зап. 2008).

¹⁴ Текстовый вариант произносимой строки (Сарайкина Е. Л. Нов., 2008): «Аванзо вечкезы, тятянькстынь робуказо/помогала» (Чтобы мать любила и отцу помогала).

¹⁵ Комментарий исполнительницы к переводу: «Каляда, дай ўряж, ну снахá, дай мне липлешку, если не дашь липлешку, радí сына = лысава, штоп па лавкам бéгала, в квáсную бочку утанúла. А если дашь мне сýкором – эта липлешку, то красíвую парнишку радí, ўмом-ра́зумом был и харóший. <...> Вот, и вот и всё, там пасмеёмся, да абнiмимся, да и всё» (Нов., зап. 2007).

¹⁶ Русяйкин В. Б. Фольклорный материал... Л. 21–22.

Тузув – тазув тейтирь чачт, да.
Каляда!
Лавця ланга якиця,
Топонь пряка карыця
(Бор., зап. 1986 г. от Долговой П. А.,
1929 г. р. и Деркаевой А. Г., 1926 г. р.).

Шелудивую, чесоточную девочку роди, да.
Коляда!
По полке шляющуюся,
В пироге с творогом кovyряющуюся.

Колядная песня с возгласом-зачином «Ай, каляда, каляда!» без рефрена. Возглас-зачин «Ай, каляда, каляда!» ритмически не выделен и по форме соответствует последующей мелостроке. Данный тип свойственен мокшанским колядкам¹⁷.

Ай, каля́да, ка́ляда!
Щча́кай, дай бе́ряка.
Кыда аф максат бе́ряка –
Ша́казы и́днеце,
Лавця ланга я́каза,
Лёмже ва́лят ка́каза,
О́шкс па́рьст¹⁸ ва́яза,
Кочкаргаса таргасаськ,
Тише тья́лымыса нардасаськ
(М. К., зап. 2011 г. от Н. М. Кочневой,
1939 г. р.)¹⁹.

Ай, коляда, коляда!
Тетья, дай пирожок.
Если не дашь пирожок –
Роди ребенка,
Чтобы по лавкам ходил,
Провалился в дерьмо,
В кадке с помоями утонул,
Кочергой вытащим,
Травяным венником выдерем.

Колядная песня с возгласом-зачином «Тауси-тауси!» («Уси-тауси») без рефрена. Поэтический текст колядной песни данного типа также записан в мокшанских сибирских селах (Сос., В. Куж., В. К.)²⁰. По музыкально-стилевым особенностям колядка близка к речевым формам интонирования²¹.

Та́уси-та́уси,
Са́лдан барда́уси,
Ти́шки лепёшки,
Ши́нимái ножки,
Дайте талама́йте,
Пе́штентят давайте²².

Та́уси-та́уси,
Са́лдан барда́уси,
Ти́шки лепёшки,
Запашистые ножки,
Дайте талама́йте,
Орешки давайте

¹⁷ «Ра́ньши хади́ли. Наряжа́юца и с песня́ми ходят. Наряжались в длинные юпки = хорошо, красива, ну как на праздник. Эта мардо́фские песни – я ни всю помню <...> Эта перед Раждеством калядки – шэсто́ва, да <...> ве́черам. Ани, эта, па дама́м, и каторым пад акóшка падайдут» (Н. М. Кочнева, М. К., зап. 2008).

¹⁸ Вариант слова *па́рьст* (кадка) – *па́рняв*.

¹⁹ Комментарий исполнительницы к переводу: «Ай, каляда, каляда, ну щчакай – эта бра́това = примерна вот, у маевó дяди жэна́ *щча́кай* называют. Дай пиражо́к, еслив ни дашь пиражо́к = эта, *шачазы иднеце* – радилсья штоб ребёнак. По полз...эта, раньше же полки были – *ла́вце ланга я́каза* = *ошкс па́рьц ва́яза*. Па лавке штоб хадил, и штобы <рас пирог ни даёшь>, упал в тваю лаханку [*ошкс* – помой, *па́рьц* – кадка, *ва́яза* – утонуть].»

²⁰ «Эта на Раждество и на Старый Новый. <...> Ой, дак нас ганя́ли, Госпади! Ещё дивчёнками были <...> За дверь встанишь, ну в сёнки зайдёшь и к дверям падайдёшь и “Та́уси-та́уси, са́лдан барда́уси, тишз...” На всю, на всю! Штоб на всю = и да канца́» (А. С. Митрейкина, В. Куж., зап. 2009).

²¹ Мокшанский текст колядной песни и перевод записан со слов информанта и выверен носителем мокшанского языка, уроженцем с. Старая Теризморга Старошайговского района Республики Мордовия Д. Н. Кукиным.

²² В варианте колядки с. В. Коя: «Талала́й-балала́й, ту́ва пи́льге падава́й» («Талалай-балалай, свиные ножки подавай»), зап. от Т. Д. Вашлаевой и Г. П. Вирысовой). Вариант

Аф пештенят-пáнгынят,
Уляст ваи лánгынят.
Щáкай, шачфтг Мíколай,
Аф Микóлай Прóса.
Пéштетенне кóса?
Лáпаняса сýканяса
Тíняк лифт чáшканяса.
Кýда аф лифтят пéштенят,
Кóнят шáвтам э́ськеният²³.
Кúцьям пóлказнт,
Кáкатам седёлказнт,
Кúцьям лáпанязнт,
Какáтам сивальн сýканязнт.
Кúцьям нýрдазнт,
Кáкатам кúргазнт

(В. Куж., зап. 2009 г. от
А. С. Митрейкиной 1940 г. р.)²⁴.

Не орешки-грибочки,
Чтоб были помазаны сметаной.
Тетя, роди Николая,
Не Николаеву Прасковью.
Орешки где?
С полатей горшочек
Нам выносите чашечку.
Если не вынесешь орешки,
Тебе в лоб вобьем гвоздики.
Залезем на ваши полки,
Навалим в ваши седла.
Залезем на ваши полаты,
Навалим в ваши мясные горшочки.
Залезем в ваши сани,
Навалим в ваши рты.

От сибирской мордвы-эрзи и мордвы-мокши также записаны русская поздравительная форма посева с зачином «Сею-вею» (Бор., Жер., Нов.)²⁵ и православный тропарь «Рождество Твое», который пели во время «славления» при обходе дворов утром 7 января (Нов., Пещ., Бор., Инд., Сос., Б. Н.).

При анализе поэтических текстов колядных песен, в том числе представленных в статье эрзянских и мокшанских сибирских образцов, обнаруживаются несколько ключевых поэтических мотивов, связанных с предметно-акциональной сферой обряда (ритуальные блюда, обход дворов).

Практически в каждой колядной песне присутствует **мотив требования подарка**, в качестве которого могут выступать «липлёшка» (*сюкором*), пирог (*бёряка*), орешки из теста (*пéштенят*), а также свиные ножки / душистые ножки (*тýва тильге / шинимаи ножки*). В Мордовии после исполнения детьми колядки хозяйки угощали их кусочками пирога, который специально пекли для этого слу-

с. Жерлык: «Тiшки лепёшки, свíниная нóжки / Давáй, падавáй, солдан пéштене давáй!» (зап. от П. П. Нюхаевой).

²³ Вариант строки с. В. Коя: «Вáрят шáвтам э́ськеният» («Тебе в “задницу” вобьем гвоздики») (зап. от Т. Д. Вашлаевой и Г. П. Вирясовой).

²⁴ Комментарий исполнительницы: «Кто чё-нибудь вынесет... *пештенят* – вот эти галúшечки-та делают <...>. Свиные ножки эта проста так ужé паёца, а кто вынесет свиные ножки? А вот эти *пештенят* вынасили. Кто там деньги вынесет, кто чё можэт = а кто и выгнит, еслиф ни так скажэм, вот што *какатам кургазнт* – эта ужé такое выражэние, што нельзя сказать [настрём в рот]. Вот за это палучáли мы».

²⁵ Зорькина А. Г. (Бор.): «Зерно занасили, штоб радилáся: “Сею-вею, пасеваю, Новым годам паздравляю”. Штобы радилáся, чё сею, штобы радилáся. <...> Тада благодарят = и еду дают или там этат вина пададут».

Нюхаева П. П., Коннова Р. Н., (Жер): «На Новый год хадили сеяли: “Сею-вею пасеваю, с Новым годам паздравляю...” = ведь знала зимой, а шас забыла. “Сею-вею пасеваю, с Новым годам паздравляю = сяду на стаканчик, на дудачке играет, с Новым годам паздравляет”. Как-та так (патом – здравствуйте, хазяюшка, с Новым годам!), вот и угастить <...>. Взрослые в избу заходили, сеяли (пшеницу брасали), стóпачку náда им падáть (дети пели «ýси-таýси») за окном. – П. Ш.».

Соколова Э. Д. (Нов., 2007): «Человек, ряженный в козу, ходил по дому, а гости говорили слова: “Куда коза рóгом, там жито стóгом. Куда коза хвостóм, там у вас всё добром будет”».

чая [Бояркин, 1983, с. 29]. В сибирских мокшанских деревнях специально к зимним праздникам из теста пекли орешки – *пéштенья*²⁶.

Упоминание в поэтических текстах сибирских колядных песен «свиных ножек» свидетельствует о сохранившихся в Сибири архаических элементах этнической традиционной культуры, так как свинья у мордвы являлась одним из культовых домашних животных. По этнографическим данным материнской традиции, первая ночь на празднике Рождественского дома была посвящена мифологическому покровителю свиней *Тавунсяю* (*Таунсяю*), во многих колядных песнях присутствует тема пожирания свиньей ребенка, кроме того, на столе в Рождественском доме свинина являлась обязательным ритуальным блюдом. Исследователь П. И. Мельников-Печерский пишет, что в канун Старого Нового года (1 января по старому стилю) «православная церковь празднует день Василия Великого, который в народе считается покровителем свиней», «сохраняется обычай в этот день молиться своему богу свиней *Таунь-озаису* и даже называют его в молитвах Василием (*Вельки-Васяй*)» [Мельников, 1981, с. 57].

Алтайская мордва-эрзя на праздник «Василий вечер» (Пещ.), который, по словам информантов, отмечался в канун Рождества, варили свиную голову и пекли пироги со свиной²⁷. В мокшанском селе Малый Калтай к рождественскому столу жарили свинину (*шеняйт*). Кемеровская мордва-эрзя (Пав.) на Старый Новый год также готовили блюда из свинины – *валнынь сюлут* (свиные кишки с пшенной кашей на молоке) и *тувонь пильге* (холодец из свиных ножек).

В музыкально-фольклорном комплексе автохтонных мордовских традиций сюжетный мотив свиньи, помимо поэтических песенных текстов, нашел отражение в ритуальной пляске с программным инструментальным наигрышем *Тува* [Бояркин, 1983, с. 35–36]. Как пишут исследователи, мордовские песни-*тавунсяи* похожи на колядки, но более древнего происхождения. Колядки возникли на основе новогодних песен-*тавунсяев* путем приурочения к рождественским дням и замены припева «таунся» словом «коляда» [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 18–19; Ефимова, 2004, с. 512].

Зафиксированные в мокшанских селах Сибири колядки с возгласом-зачином *тауси-тауси/уси-тауси* и представленный в поэтических текстах предметный код (свиные ножки), свидетельствуют о сохранившихся в сибирском фольклоре реликтовых элементах традиционной культуры.

²⁶ Рецепт *пéштене*: «Мы раньше всегда эти стряпали. А тесту завадили – малакó там лили, жыру нимношка, яички и муку = пшеничные. И замесывали, так туга – не сильна туга, но тугавато, туга, штобы = раскатать <...> раскатаешь и парэжишь нажом (на квадратике). И патóm или на скаварóтке или на русской печке испичёшь. Прóста на скаварóтке, ну, наливали мáсла, а так сгарít. А в печке так пекли – мукой нимношка пасыпишь. А в пéчку кадá на листу, то так ужэ – ани там ни сгарят ужэ, а пастепénна пикуца, а на скаваротке жэ горячая плита – нýжна масла дабáвить (когда вытаскивали из печки. – П. Ш.) маслом немношка ещё. Ани блестящие и мякнут – мяхие. *Пéштене* эта как = как вот называют арéшки» (Жер., зап. от П. П. Ньюхоевой).

²⁷ Ветчанина П. Ф. (Пещ., зап. 2011): «Перед Рождеством был “Василий вечер” <сроду не забуду>. “Василий вечер” – это предрождественский вечер, варили свиную голову. С утра мама русскую печку затопит <...> Вот мама <как шас вижу> достанет огромные два чугуна с русской печки. <...> И вот, достанет сначала одну = переберет = голову. А мясо потом как-то она возьмет, с чесноком всё делала. Мы [дети] первые садились [помогать], там = где малёнка и цáпнешь, пост же так-то, где мама отвернется. Ведь раньше пасты саблюдали. Патóm, вот, убрали одну голову, разобрали всё, косточ. ... мякоть отдельно, косточки отдельно <вот как шас вижу, помню, а чё вчера было я не знаю чё я делала> /// Потом мама достанет карыцэ, такое было карыцэ, деревянное карыцэ и сечка, этой сечкой всё это изрубит это мясо мелко-мелко-мелко-мелко изрубит, а потом = пироги = пироги».

Другим обязательным поэтическим мотивом является **мотив благопожелания**, связанный с плодородием (пожеланием хорошего урожая) и чадородием (пожеланием родить ребенка). Благопожелание плодородия выражается фразой *чачи сюрю чачиза* («рождающийся хлеб пусть родится») и описанием качественных характеристик хлеба с помощью сравнительного падежа (компаратива): с оглоблю его стебель, с дугу – колос, с белое яйцо – зерно. В случае удовлетворения просьбы колядующих о подарке, появляется мотив благопожелания чадородия, связанного с рождением парня (в мокшанской колядке выражено именем Николай и отрицательной формой «не Николаеву Прасковью») с красивой/белой головой, чтобы был «умный» и «хороший», «мать любил» и «отцу помогал».

Практически в каждой из сибирских мордовских колядок присутствует **мотив отрицательного пожелания**, если хозяева не удовлетворят просьбу о подарке: «если не дашь (не вынесешь) лепешку (пирожок, орешки), то роди ребенка (парня, девочку) с болячкой на голове, чтобы по лавкам бегал (ходил), в пироге с творогом ковырялся / в квасной (дрожжевой, помойной) кадке утонул / провалился в дерьмо / кочергой вытащат, травяным венником выдерут».

Мотив отрицательного пожелания может усиливаться до **мотива угрозы**, как в мокшанской колядке: «тебе в лоб вобьем гвоздики / залезем на ваши полки / “навалим” в ваши седла / залезем на ваши полати / “навалим” в ваши мясные горшочки / залезем в ваши сани / “навалим” в ваши рты».

Акциональный (действенный) ряд, сопровождающий колядные песни в разных селах, имеет различный состав. Так, в Новорождественке во время пения колядок как наряжались и плясали, так и просто «приходили в гости», просили «гостинцу» (Е. Л. Сарайкина, 2007). Наряжались и плясали во время исполнения колядок или частушек также в Борисово и Никольске²⁸, где ряженных называли *шулигиней*, *шулигины*. В Малом Калтае же наряжались²⁹ *шулиганат* (*цулиганат*) и плясали под пение русских песен (между Рождеством и Крещением), в то время как мордовские колядки исполнялись раньше (6 января вечером), к их исполнению наряжались «красиво», как на праздник. В селе В. Кужебар дети ходили «славить» по домам «замаскированными». Как видно, в сибирских традициях во время исполнения колядок большое значение имеет пляска³⁰ и ряжение³¹.

Колядующие с собой приносили зерно, пшеницу для посева (Бор., Ник., Жер.), сумку или корзинку для подарков (Н., Бор., М. К.), а также пустую бутылку на случай, если хозяева нальют самогона³². Хозяева могли и выгнать колядующих («пинка дать», «в снегу навалить», «нашулигинить») в случае, если они испугали детей ряженьем³³ или оскорбили словами колядки³⁴. Атрибутивный план значи-

²⁸ Кроме этого, иногда ряженные «воровали» продукты. Зорькина А. Г. (Бор.): «А есть вот снаряжаюца – и снаряжены в избу зайдут, а кто-нибудь там па халадильникам шарица. Што есть – пильмени или мяса сташут. А патом сабируца где в кучу – пильмени стряпают, если наварована = пильмени стряпают и жарют едят вместе же каторыхz... какая группа ходит – эта группа жэ сваё = наработали = дабыли ани патом эти праедают».

²⁹ Кочнева Н. М. (М. К.): «...и женщины и мужьки – мужьки нарижались бабами, бабы мужьками».

³⁰ О значительной роли плясок в Рождественском доме на материнской территории часто упоминают исследователи (см., напр., [Бояркин, 1983, с. 36]).

³¹ Кроме исполнения колядок во время святок у мордвы, как и у русских, было принято играть, плясать, гадать, рядиться и прочее [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 11].

³² Кроме самогона («винишка», «стопочки») хозяева могли подать колядующим сало, «сладенького» (Ник.), конфеток, *пештенят* для детей (Жер.), мяса, «хлеба кусок» (Н.), копейку, стряпню, картошку, семечек (Бор.), пирожков (М. К.), свиные ножки (в с. В. К. варили холодец).

³³ Зорькина А. Г. (Бор.): «Вот рас я помню маленький были, наэрна мне лет шэсть была (в 1924 г. – П. Ш.) – мы отца чуть ни задавили. И заходит этат как, мужьк. <Вечерам ужи-

тельно расширится, если включить в него вещи и предметы, с помощью которых наряжались шулигины, – юбки, кофты, лапти, платки, сито на голове, скатерть, бич у сопровождающего ряженных (Нов.)³⁵, сажа (или красная краска из порошков) на лице, «перевернутая» наизнанку шуба³⁶, подведенные брови, «маски» из газеты или купленные, цыганские платки, бахилы на ногах, зубы из картошки, «понашитые, повешанные» тряпки, «баранины рога и овчина» (Бор.), капроновые чулки на голове (В. Куж., М. К.). Ряженные становились либо «смешными» (М. К.), либо «страшными» (Бор.), «чертями» (В. Куж.) и чинили беспорядки, «пакасти-ли»³⁷.

В Мордовии на рождественские праздники девушки и парни собирались в бане или специально нанятой избе, которую называли «Роштувань кудо» (Рождественский дом) [Устно-поэтическое творчество..., 1981, с. 45; Бояркин, 1983, с. 38].

В Сибири (Пещ., 1986) от мордвы-эрзи записаны два варианта песни Рождественского дома: «Штирьдянь, теке штирьдянь» («Пряду, все пряду»). Кроме того, в поэтическом тексте мокшанской лирической песни «Иванынь Маренясь» (М. К., 2008, 2011) встречаются строки, повествующие о пляске девушки в Рождественском доме. Эрзянская молодежь с. Борисово, рядившаяся в течение дня, которую называли «улишниками», к вечеру «ходили по баням» – шутили и пели «скромные» песни («зрячие не пели»)». Видимо, «скромные» песни, исполняемые в ба-

наем, только вечерам> ужинаем, он заходит – на ево баранины рага, баранины авчина (пряма овечья шкура, а на эти вот где ноги-та, рукава сунул, а рага, этат какы – всё этат, глоу цэликóm, этат, в шкуру так натинул). А мы ужэ напугалися фсе, как закричали, за отца схватилися. И этат, знáчица, знаем, што ни баран-челавék зашёл – чёрт зашёл.

³⁴ Митрейкина А. С. (В. Куж.): «Ох, пашли мы к аднаму деду “Тауси-тауси”, а он дет старый был ужэ, вышэл как “Ах, плэ-плэ-плэ-плэ!” и нас гнать = мы бегом аттуда, ну чё, девчёнками». (Также см. устный источник, приведенный в сноске 24.)

³⁵ Мичкаева Е. Е. (Нов., 2008): «Юпки, кофты = лапти – у кого чё есть, то из...платки. Вот так сито паложут сверху ещё. Ещё вязаные скатертя были сверху вязаные <в скатерть, чтобы не узнали кто>, а сзади адн мужик абизательна идёт с = бичём, штобы не тронули наряжанных <...>. Пели, плисáли».

³⁶ Сажа на лице и вывернутая наизнанку шуба были необходимыми атрибутами человека, который в Рождественском доме исполнял пляску медведя [Бояркин, 1983, с. 37].

³⁷ Митрейкина А. С. (В. Куж.): «Пакастили хадили, очень дажэ пакастили. Варата мы = эти чурками, брёвнами закладывали. У каво сáни на ўлицэ, мы на ўлицэ эти сáни все выставляли. Машины едут – абъежают всё <...>. Салóму жгли<...> пряма на дарóге (один костер на дороге. – П. Ш.)».

³⁸ Зорькина А. Г. (Бор., 2008): «Клуба не было тада па баням хадили. Хто-нибудь эта фитиль сделает, на карасине сажёт, на каменки паложут, а астальные придут, сядут там = пают. = Плясать уж там в бане негде. Песни пают, шутят. [Пели песни] скромные ужэ = да, зрячие не пели. <...> Вот, я помню, этат какы-ы, сестра старшая – ани пайдут – вот, таварки придут... таварками придут, пайдут в клуб – ана заставит баню тапítь. Мы для них баню тóпим, истóпица – ани придут, нас выганют дамóй ///, ага, ани сáми астануца там. Другой раз да бóле пол ночи там пабудут, часов да трёх ли, другой раз раньше придут, кагда как. <...> Не каждый день, нет. В субботу ужэ тёплые бани, а в воскресенье тоже еще тёплые каз... как кажуца, а вот среди недели какз... кака празникъ, религёйный какой празникъ, <тада уж среди недели халодные бани>, тада заставляют. Дравá принóсют, скажут: “Вот эти дравá вазьмите, эту баню затапíte!” вот ихнай = сичас ведь па-бёламу, а тада па-чёрнаму тапíлися бани. Пакá баню им тóпишь, дыма дóсыта наглатаися. <...> Этат, сами взрослые каждый себе баню топит ужэ, эта к прáзнику Ражэствó, а эти ўлишники, дык уж тада сабираюца, вот = “У тех баню затапíte”, “Вот у них баня будит”. <...> Ўлишники – маладэш, на улицу пайдут ужэ – ўлишники. Стáры-та дóма, дети тóжэ дóма, а эти – ўлишники. <...> Они ужэ знали што у каво топица: “Мы вот эту баню заказáли”, “Там тёплая баня”. Лáвки так, и тák лавки, на палаз... на палáти сядут, там палóг, на палáти сядут = сидят. Кто = хто шугít рассказызт, хто пёсни паот там, всё этат как. Расхóднюца, да = <есть расхóднюца, астануца и> = радят после éтава ///».

нях «улишниками», следовало бы трактовать как *скоромные* (непристойные, запретные), противопоставленные «зрячим» (дозволенным, разрешенным). Известно, что до появления клуба молодежь собиралась в один большой дом (Коч.).

Во время рождественских праздников в Сибири было принято катать по деревне своих или соседских детей на санях (Бор.)³⁹, а также ворожить⁴⁰.

Все, кто рядились, ходили по домам и пакостили, на Крещение (*Крещёния*, Бор.) должны были «смыть с себя все это» в проруби (Нов., М. К.), так как «Крещёние ужэ святáя, восветит весь мир – тада ужэ ни хóдют» (Бор.). Обливались возле проруби (М. К.), а мальчики ходили по домам, обыскивая их, и девочек вытаскивали на улицу и закапывали в снег деревянными лопатами, что означало купание в Иордане (Ал., Н. Куж.). Некоторый смысл очищения можно усмотреть также в жжении костров из соломы в ограде дома утром 19 января, что означало «выгонять злой дух» (Нов., Пещ.). В 12 часов ночи или в 6-7 утра ходили за водой в прорубь (Бор., Н., Пав., Нов.) или Иордань⁴¹ на реку или на колонку (Жер.). Крещенской водой обрызгивали дом (Нов., Пав.) и пользовались ею в течение года в лечебных целях и для крещения детей (Н.). В домах и хозяйственных постройках накануне Крещения хозяин дома или женщина угольком или мелом ставили крестики (Нов., Ал.), при этом говорили «Перекрести, Господи, окна и двери, пазы и щели» (Мичкаева Е. Е., Нов.). Естественно, что крест является неотъемлемым атрибутом этого христианского праздника, что находило отражение в блюдах праздничной кухни. Кроме приготовления мордовских блинов (Ал., Н. Куж.), обязательной была выпечка крестов из теста (Жер., В. К.)⁴².

На европейской мордовской территории (с. Оркино Саратовского уезда) в преддверии праздника Крещения стряпали лепешки (*коней*) в виде серпа полумесяца. Утром дети, а позже взрослые объезжали родственников на конях и собирали «лепешки-кони» [Извлечение из историко-этнографического описания..., 1910, с. 715]. Подобный предметно-акциональный ряд в обследованных сибирских селах не фиксировался. Но в эрзянских селах Алтайского края (Бор., Пещ.) в 1986 г. записаны песни с рефреном «Ося!»⁴³, поэтический текст которых свидетельствует о приуроченности к крещенскому празднику.

³⁹ Зорькина А. Г. (Бор., 2008): «Есть у кавó эти как кашóвки назывáлися эти ... сани-та. Сани с отвáдами этат = сáдют своих детей или сасéдских и па дерéвни катáют = на лóшадн».

⁴⁰ Мичкаева Е. Е. (Нов.): «Варажить варажила (под Старый Новый год) – куриц лавйла – пьяница или какой мужык будет. Ну, вот зашли, курицу паимáли, паимáли. Воду па-стáвили, замок паложили, деньгу паложили. Кто-какой у тебя муж будит – если в замок клóкнит курица – занáчит вор будет, если в деньгу – денежный, если в воду – пьяница будит точна. <...> Варава́ли драва́ – любит, не любит – палéнами кидáли. Если не любит, то уж ты не сабира́йся за нево́ заму́ж».

Мазяркина У. М. со снохой (Бор.): «Лет наэрна 15 была мне или 16 можэт = такжэ, штобы поваражить. Паéшь и штоб никто не заметил <рас> = лошку в вáленак сúнишь и на улицу бегóм = к сталбú где варóта. К варóтам падбегáешь, стучйшь (раза 3-4) и гаварйшь <...>: “Косо кискать неóнгеть, тосо монь жáйнихим” (“Где саба́ки лают, там = мой сужэный-ряжэный”»).

⁴¹ До войны на проруби в р. Каменушка мужики делали надстройку из льда, разукрашивали разноцветными красками. Это сооружение называли Иордань. С утра приходили люди из церкви с иконами (Бор.).

⁴² Из спичек (или просто из дерева) делали один крест и запекали внутри теста. Кому достанется такое «печенье», тот «счастливый человек» (В. К.) или «тому терпение будет». В другой – могли положить монетку – «богатый будешь» (Жер.).

⁴³ Русяйкин В. Б. Фольклорный материал... Л. 23–24.

Ося! Крещениесь элзэ,
Ося! Сивый кони лангса,
Ося! Мон неся – тандадынь,
Ося! Аунь алув совень.
Ося! Аунь алы сея,
Ося! Пиликсынзы стуке,
Ося! Рогасынзы громе,
Ося!

(Ник., зап. 1986 г. от Т. С. Четверговой, 1910 г. р. и Е. И. Кротовой, 1937 г. р.)

Ося! Крещение идет,
Ося! На сивом коне,
Ося! Я увидел – испугался,
Ося! Под овин забрался,
Ося! Под овином коза,
Ося! Копытами стучит,
Ося! Рогами гремит,
Ося!

Таким образом, атрибутивный обрядовый код «лепешки-кони», зафиксированный на автохтонной территории, находит отражение в вербальном фольклорном источнике сибирской мордвы. Разновременные источники материнской и переселенческой традиций в некоторой степени дополняют и объясняют друг друга.

В эрзя-мордовском ареале Залесовского района Алтайского края колядные песни «Каляда!», крещенские песни «Ося!», а также песни «Позяра!», исполняемые после Масленицы во время Великого поста (о «постных» песнях «Позяра» см. [Шахов, 2017, с. 265]), составляют единую группу типовых напевов с ритмически выделенным возгласом-рефреном, повторяющимся после каждого стиха.

Существенной спецификой бытования календарных песен является их включенность в социум, в коммуникацию жителей села, зависимость от степени традиционной общинности населения, которая помогала долгое время сохранять в быту песенные образцы календарной обрядности. В настоящее время, в некоторой степени разобщенность сельского социума и другие проблемы выступают отрицательными факторами сохранения традиционного песенного календарного цикла⁴⁴. Тем не менее в полевых исследованиях последнего десятилетия были зафиксированы целостные музыкально-поэтические образцы календарного фольклора зимнего периода и множество контекстных сведений, позволяющих реконструировать календарно-обрядовые мордовские традиции Сибири.

К перспективным направлениям дальнейшего исследования относится обобщение всего корпуса разновременных источников по мордовскому календарно-обрядовому годовому циклу сибирского бытования, выявление семантики, символики и обрядовых функций различных кодовых систем, исследование музыкально-стилевых особенностей календарных песен и соотношение с автохтонными песенными традициями мордвы на предмет обнаружения константных элементов фольклорной традиции.

⁴⁴ «Я ужэ сичас закрываю – и сичас ходят – я уж сичас закрываю. Спрашү, гóлас ни Максímкина (внук. – П. Ш.) – иди на хер. Ну зачем? Я адинóкая, лягу ды всё! Зачем нужны? Нам ни интересна ужэ сичас, сынок. Не-ет, я вот примерна ни хадíла раньше = к нам хадíли» (Ник., 2008 г., зап. от Е. И. Кротовой и А. Е. Четверговой).

«Нас мамка не пускала [колядовать]. У нас вот = на Пасху эти вот, кристóсяца, ана какта не разрешала нам: “Чё будете бегать?! Дома всё есть – кушайте дома”. А мы всё равно пайдём... Эта как пабираца ей казáлася: “Ни хадите, дома и фсё есть”. А мы пайдём же гулять – и пабежáли па дерéвни» (М. К., 2008 г., зап. от Н. М. Кочневой).

«Бабушки рано закрываются, поэтому мы года два уже к ним и не ходим, а вот вокальная группа у нас ещё – мы стараемся ходить» (Н., 2007 г., зап. от Э. Д. Соколовой).

Список литературы

- Бояркин Н. И.* Мордовское народное музыкальное искусство / Науч. ред. Е. В. Гиппиус. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 184 с.
- Бояркин Н. И., Бояркина Л. Б.* Народная музыка // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. Н. П. Макаркин. Саранск, 2004. С. 713–736.
- Бояркина Л. Б.* Календарно-обрядовые песни // Бояркина Л. Б. Мордовская музыкальная энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Бояркина. Саранск: Мордов. кн. изд., 2011. С. 120–122.
- Венедиктов Г. Л.* Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса // Полевые исследования: Русский фольклор. Т. 23. Л.: Наука, 1985. С. 100–106.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения – II. М., 1993. С. 3–36.
- Ефимова М. Ф.* Устное народное творчество // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. Н. П. Макаркин. Саранск: Морд. кн. из-во, 2004. С. 509–529.
- Извлечение из историко-этнографического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленного А. Н. Минхом // Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. 691–720.
- Мельников П. И. [Андрей Печерский].* Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во., 1981. 133 с.
- Памятники мордовского народного музыкального искусства: В 3 т. / Сост. Н. И. Бояркин; под ред. Е. В. Гиппиуса. Т. 1: Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 292 с.; Т. 3: Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья. Саранск: Мордов. кн. изд., 1988. 337 с.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры / Под общ. ред. Б. Кирдана. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 304 с.
- Шахов П. С.* Мордовский календарно-обрядовый фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования (весенне-летний период) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 261–276.

P. S. Shakhov

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, pashahoff@mail.ru*

Mordovian calendar-ritual folklore-ethnographic complex of Siberian existence (autumn-winter period)

The paper deals with the autumn-winter period of the Siberian Mordvin calendar-ritual folklore-ethnographic complex, namely the aspect of ethnic terminology and various ritual code systems (temporal, spatial, personal, actional, attributive, and verbal-musical). The classification of Mordvin Koliada songs recorded in Siberia is given. It involves Koliada songs with the rhythmically emphasised refrain “Kaliada!” / “Kaliada, kaliada!” repeated after each verse, recorded in Mordvians-Erzya and Koliada songs with exclamations “Oh, kaliada, kaliada!” or “Tausi-tausi” / “Usi-tavusi” without refrain, recorded from Mordvians-Moksha.

The research also distinguishes the key poetic motives related to the subject-actional aspect of the Koliada rites (gift-claiming, wishing fertility and fortunate childbirth, as well as negative wishes and threats). Subject-actional and verbal-poetic aspects of several calendar festivals celebrated by Siberian Mordvins include the archaic traits that may be viewed as permanent elements of traditional culture due to a certain degree of unity between autochthonous and migratory Mordvin traditions.

Keywords: Siberian Mordva, folk calendar, field studies, ethnic terminology, code system, folklore-ethnographic complex.

DOI 10.17223/18137083/66/2

References

- Boyarkin N. I. *Mordovskoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo* [Mordovian folk music art]. E. V. Gippius (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1983, 184 p.
- Boyarkin N. I., Boyarkina L. B. Narodnaya muzyka [Folk music]. In: *Mordva: Ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* [Mordva; Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people]. N. P. Makarkin (Ed.). Saransk, 2004, pp. 713–736.
- Boyarkina L. B. Kalendarno-obryadovye pesni [Calendar ritual songs]. In: *Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya* [Mordovian music encyclopedia]. N. I. Boyarkin (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 2011, pp. 120–122.
- Efimova M. F. Ustnoe narodnoe tvorchestvo [Oral folk art]. In: *Mordva: Ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* [Mordva. Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people]. N. P. Makarkin (Ed.). Saransk, Mord. kn. izd., 2004, pp. 509–529.
- Iz vlechenie iz istoriko-etnograficheskogo opisaniya Ozerskoy volosti Saratovskogo uyezda, sostavlenno A. N. Minhom [Extract from the historical-ethnographic descriptions of Ozerskiy volost of the Saratov district, compiled by A. N. Minh]. In: Shahmatov A. A. *Mordovskiy etnograficheskii sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1910, pp. 691–720.
- Mel'nikov P. I. (*Andrey Pecherskiy*) *Ocherki mordvy* [Essays of Mordvins]. Saransk, Mord. kn. izd., 1981, 133 p.
- Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t.* [Monuments of Mordovian folklore music: in 3 Vols]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). T. 1: Mokshanskiye priurochennyye pesni i plachi mezhdurech'ya Mokshi i Insara vols [Vol. 1: Mokshan timed songs and weeping of the country between two rivers Moksha and Insara]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1981, 292 p.; T. 3: Erzyanskiye priurochennyye pesni i plachi Zavolzh'ya [Vol. 3: Erzyan timed songs and laments of the Transvolga]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1988, 337 p.
- Shakhov P. S. Mordovskiy kalendarno-obryadovyy fol'klorno-etnograficheskii kompleks sibirskogo bytovaniya (vesenne-letniy period) [Mordovian calendar-ritual folklore-ethnographic complex of Siberian existence (spring-summer period)]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 261–276.
- Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 7, ch. 3: Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory* [Oral-poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 7, pt 3: Calendar ritual songs and conspiracies]. B. Kirdana (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1981, 304 p.
- Venediktov G. L. Opyt fiksatsii fol'klornoy prozy kak tvorcheskogo protsesssa [The experience of fixing folklore prose as a creative process]. In: *Polevyye issledovaniya: Russkiy fol'klor. T. 23* [Field studies. Russian folklore. Vol. 23]. Leningrad, Nauka, 1985, pp. 100–106.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Simvolicheskii yazyk veshchey: venik (metla) v slavyanskikh obryadah i verovaniyah [Symbolic language of things: the besom (broom) in the Slavic rites and beliefs]. In: *Simvolicheskii yazyk traditsionnoy kulturyi. Balkanskiyeye cheniya – II* [Symbolic language of traditional culture. Balkan readings – II]. Moscow, 1993, pp. 3–36.